

Н. Н. ГЛУБОКОВСКИЙ. «ВОЙНА И МИР» В ФИНЛЯНДСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Читателю предлагается труд заслуженного профессора, доктора богословия Николая Никаноровича Глубоковского «"Война и мир" в Финляндской Православной Церкви», изданный в Софии в типографии «Художник» в 1929 г. Это комментарий на книгу будущего настоятеля Валаамского монастыря, в то время иеромонаха Харитона (Дунаева)¹ «Введение нового стиля в Финляндской Православной Церкви и причины нестроений в монастырях: по документам и записям инока», изданную в Аренсбурге в 1927 г.

Книга иеромонаха Харитона представляет собой подробное описание «календарного раскола» в Финляндии 1920-х гг. и того, как он протекал в Валаамском монастыре². Автор являлся непосредственным участником и очевидцем событий, экономом монастыря, ближайшим помощником настоятеля обители игумена Павлина (Мешалкина) и архиепископа Финляндского Серафима (Лукьянова). Согласно содержанию, иеромонах Харитон не был слепым исполнителем чужой воли, он принимал активное участие в судьбе русских монастырей в Финляндии, руководствуясь пользой Церкви и родной обители, которой преданно служил до самой своей смерти. Собранные им официальные документы и личные наблюдения легли в основу написанной им монографии. Она встретила неоднозначный отклик в среде старостильников. В частности, другой современник событий, летописец Валаамского монастыря монах Иувиан (Красноперов)³, считал, что книга затемняет истину, т. к. в ней опущено все, что могло бы обличить новостильников: не описаны суды над старостильной братией, не

¹ Игумен Харитон (Дунаев); 1872–1947) в 1894 г. поступил в Валаамский монастырь; в 1905 г. пострижен в монашество; в 1909 г. назначен экономом монастыря; в 1910 г. рукоположен в иеромонаха архиепископом Финляндским Сергием (Страгородским); в 1933 г. утвержден Финляндским Церковным Управлением в должности настоятеля; при нем в 1939–1940 гг. прошли эвакуация Валаамского монастыря в глубь Финляндии и устройство нового монашеского поселения в Папин-ниemi; незадолго до кончины принял схиму (см. о нем: *Шевченко Т. И.* К вопросу о юрисдикции Финляндской Православной Церкви // Вестник ПСТГУ. II. 2008. № 1. С. 50–51; № 3. С. 76–100).

² О событиях раскола см.: *Шевченко Т. И.* Валаамское охранительство: финляндский период // Вестник ПСТГУ. II. 2008. № 3. С. 76–100.

³ Монах Иувиан (Красноперов; 1880–1957) родился в Пермской губернии, в семье священника; в 1896 г. окончил Пермское духовное училище, работал учителем в церковной школе; был преданным почитателем св. прав. Иоанна Кронштадтского, по чьему благословению пришел на Валаам и в 1899 г. поступил в монастырь; заведовал метеорологической станцией, канцелярией, архивом, с 1947 г. библиотекой; с 1925 по 1931 г. был в ссылке в Тихвинском скиту по предписанию Церковного Управления за отстаивание старого календарного стиля.

приведены коллективные доклады, обличающие гонителей. Более того, в личных записях он даже называет автора-составителя «достойным потомком распинателей Иисуса Христа, получившим за свою работу 30 сребреников в размере 30 000 финских марок»⁴. Книга «Введение нового стиля...» была выслана в Болгарию проф. Н. Н. Глубоковскому⁵. Тот же монах Иувиан записал в личных заметках, что если раньше известный профессор защищал православную Пасхалию, то теперь за денежное вознаграждение стал на сторону гонителей и осудил гонимых, за что афонские старцы-зилоты, защитники старого календаря, назвали его «ученым болтуном»⁶. Однако официальное содержание полемики монаха Иувиана и иеромонаха Харитона, опубликованной в журнале «Утренняя заря»⁷, отражало позицию взаимного уважения этих людей друг к другу. Более того, незадолго до своей смерти в 1947 г. схиигумен Харитон попросил послужить ему в период своей предсмертной болезни именно монаха Иувиана, о чем тот, став свидетелем праведной кончины своего настоятеля, с большим благоговением вспоминал впоследствии⁸.

Как писал в своей книге иеромонах Харитон, он видел свою задачу не в анализе проблемы, а в стремлении донести до современников и потомков сам факт происшедшего. Во время календарной смуты валаамские иноки искали возможности обсудить свои недоумения с известными иерархами, богословами и подвижниками того времени. Одним из таких людей и был заслуженный профессор Санкт-Петербургской Духовной академии (1916), член-корреспондент Императорской АН, почетный член Киевской, Казанской и Московской Духовных академий, богослов-библеист с мировым именем профессор Н. Н. Глубоковский (1863–1937). Он эмигрировал через Финляндию из Советской России в августе 1921 г. В июне 1919 г. большевиками был расстрелян в Уральске его старший брат Александр, преподаватель Уральского духовного училища. Зная о зверской расправе, Глубоковский ожидал чего-то подобного и для себя. Друзья говорили ему, что за твердые национально-русские и православно-христианские убеждения он давно находился под подозрением большевистских властей⁹. Профессора во всем мире считали одним из наиболее компетентных ученых-богословов, кто мог дать реальную оценку событиям в Церкви и обществе. За менее чем годовой период проживания в Финляндии он имел возможность лично наблюдать начало «календарного конфликта» в Финляндской Православной Церкви. Затем, находясь в Болгарии, неоднократно пытался помочь своими связями и публикациями умиротворению ситуации в Валаамском монастыре, которая до предела накалилась после 1925 г.

⁴ Приложение к делу № 42. Папка: Письменность отца Иувиана // VLA (Архив Финляндского Валаамского монастыря).

⁵ Шевченко Т. И. К вопросу о юрисдикции Финляндской Православной Церкви. С. 60–61.

⁶ Приложение к делу № 42. Папка: Письменность отца Иувиана // VLA.

⁷ Беседа иеромонаха Харитона (Дунаева) с монахом отцом И-м, происходившая 31 октября 1927 г. // Утренняя заря. 1934. № 6–7. С. 52–53.

⁸ См.: Валаамский патерик. Т. 2. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, «Паломник», 2003. С. 98–99.

⁹ Глубоковский Н. Н. Автобиографические воспоминания // Церковь и время. 2003. № 2. С. 158.

Книга иеромонаха Харитона и отклик на нее профессора Глубоковского не переиздавались. Когда утихли страсти, настало время спокойно взглянуть на события давно минувших лет. Попытка прокомментировать данную статью Глубоковского была предпринята Санкт-петербургскими исследователями Т. А. Богдановой и А. К. Клементьевым в докладе на конференции, посвященной проблемам русского зарубежья, которая была подготовлена Санкт-Петербургским информационно-культурным центром «Русская эмиграция» в 2004 г.¹⁰ Однако исследователи подчеркивают в основном охранительную позицию профессора в календарном и юрисдикционном вопросе Финляндской Православной Церкви. В то время как в 1953 г., например, советник Финляндского правительства А. Инкенен в своем ответе на запрос Московской патриархии о возвращении Финляндской Православной Церкви обратно под ее каноническое руководство ссылаясь и на этот труд Глубоковского в том числе. Советник утверждал, что профессор признал необходимость перехода Финляндской Церкви в юрисдикцию Константинопольского Патриархата в 1923 г., а также то, что дальнейшая судьба ее не может быть решена без согласования с Вселенским Престолом¹¹. По мнению Глубоковского, в 1923 г. под угрозой церковного раскола на календарной почве Финляндское правительство «сделало то, что обязан был сделать архиепископ Серафим прежде всего. В своем ответе по поводу искомого от него благословения Святейший Тихон ссылаясь на Цареградского патриарха как инициативную силу в календарном вопросе. Так как сношения с первым были тогда совершенно невозможны... то, по самому патриаршему указанию, было естественно, благоразумно и вполне законно апеллировать в Константинополь»¹². После же перехода под другую юрисдикцию Финляндская Церковь уже не имела права самостоятельно принимать решение о возвращении: «Надо было сказать иное, что она не может теперь распорядиться сама, и Патриарху Тихону со своим извещением нужно обратиться прямо в Константинополь, временно ведающий ею, и более прочно обеспечить ей каноническое положение, дабы волею непредвидимых судеб и лиц Финляндская Православная Церковь не обращалась в переметную суму, которая перебрасывается с одного плеча на другое»¹³.

Однако вырванные из общего содержания статьи и лишённые исторического контекста эти утверждения ничего не объясняют сами по себе. Убедиться в чем и предлагается читателю¹⁴.

Вступительная статья и примеч. Т. И. Шевченко

¹⁰ Богданова Т. А., Клементьев А. К. Введение нового календарного стиля и последующее разделение валаамской братии в оценке профессора Н. Н. Глубоковского // Российское зарубежье в Финляндии между двумя мировыми войнами: Сб. науч. тр. СПб.: Санкт-Петербургский университет культуры и искусств; Санкт-Петербургский информационно-культурный центр «Русская эмиграция», 2004. С. 130–162.

¹¹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 194. Л. 12–42.

¹² См. ниже в статье.

¹³ Там же.

¹⁴ В скобках автором статьи указаны страницы книги иеромонаха Харитона, на которые он делает комментарий.

«ВОЙНА И МИР» В ФИНЛЯНДСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

*«Мир имейте и святыню со всеми,
их же кроме никто же узрит Господа»
(Евр 12. 14)*

Передо мною объемистая (в 343 страницы) книга о Наместника Валаамского Спасо-Преображенского монастыря (в Финляндии) Иеромонаха Харитона «Введение нового стиля в Финляндской Православной Церкви и причины нестроений в монастырях» (1927 г.)¹⁵. Она представляет собственно документальные данные и фактические справки по указанному вопросу и в этом отношении имеет большую историческую ценность, предлагая чисто объективное освещение предмета, в котором и сам я, случайно соприкасавшийся с ним раньше, узнал теперь нечто новое и существенное, изменяющее и перспективы и самые суждения. Но, с другой стороны, эта история слишком еще живая и болезненная, связанная с тяжелыми смутами и большими жертвами, иногда угрожавшая даже крушением вековых священных учреждений (ср. стр. 248, 249)¹⁶ и, несомненно, опустошавшая православную совесть, делавшая ее то слишком острою, то совсем индифферентной, отнимавшая у нее здравую религиозную уравновешенность. По милости Божией, этот зловещий пожар, раздутый из слабых, пустячных (стр. 333)¹⁷ искр людскою нетерпеливою поспешностью, сейчас как будто угасает, и постепенно водворяется мир, открывающий возможность для благословенных «репараций» в области материальной и духовной.

При таких условиях гораздо полезнее не вспоминать многое из этого грустного прошлого, а предать забвению все, что способно растревлять свежие раны и вызывать прежние муки. Все усилия надо направлять к тому, чтобы окончательно ликвидировать разрушительный кризис и помочь счастливому восстановлению. А достигнуть этого можно лишь тогда, когда мы отнесемся к минувшему вполне спокойно и определим его подлинное, принципиальное значение, чтобы по горькому опыту решить, стоило ли поднимать такую взаимно убийственную войну и есть ли фактические основания и моральные оп-

¹⁵ Харитон (Дунаев), иеромонах. Введение нового стиля в Финляндской Православной Церкви и причины нестроений в монастырях по документам и записям инока. Аренсбург, 1927.

¹⁶ Беседа иеромонаха Харитона с игуменом монастыря Павлином, состоявшаяся после согласия игумена праздновать Пасху по новому стилю в 1925 г.: «Вы попали между двух огней: среди одних, то есть братства, Вы потеряли всякое доверие и на Вас смотрят как на изменника Православию, а личная совесть, боясь ответственности перед Богом за судьбу обители, не позволяет Вам продолжать исполнять желание братства. Начать исполнять предписания церковной власти — это значило бы зажечь в обители пожар, который тушить, быть может, придется и гражданской власти» (Харитон (Дунаев), иеромонах. Указ. соч. С. 249).

¹⁷ Письмо митрополита Сергия (Страгородского) протоиерею Сергею Солнцеву, председателю Финляндского церковного управления (1926 г.): «У вас же в сущности все разногласие в том, что одни хотят Николу праздновать 6-го, а другие 19-го декабря... И вот из этих, можно сказать, пустяков не успевшая... сама хорошенько вздохнуть свободным воздухом, юная Финляндская Церковь, только что добившаяся свободы, уже спешит взять за горло несогласных и придушить их силою» (Харитон (Дунаев), иеромонах. Указ. соч. С. 333).

равдания продолжать ее при начавшемся успокоении умов и умиротворении сердец? Исключительно в этом смысле и делаем искомые¹⁸ от нас краткие замечания *sine ire et studio*¹⁹.

I

Вопрос о перемене стиля в церковном употреблении возник в Финляндии вне церковной потребности и инициативы. Сама Церковь не имеет принудительной нужды в этой реформе для своей внутренней жизни, которая совершенно удовлетворялась принятым порядком и доселе не предвидит необходимости в его нарушении, всегда смущающем привычную религиозную чуткость. Конечно, для всех несомненна неточность Юлианских календарных предпосылок и дат, но Церковь вовсе не преследует в своем богослужебно-жизненном укладе астрономически-математической пунктуальности со всеми условностями научного развития, где немудрым фанатикам мерещатся даже «безбожные астрономы» (стр. 219)²⁰. Для нее важно символически-воспитательное расположение времени, чтобы верующий христианин, существуя в религиозно-безразличной хронологичности, жил в атмосфере мессианских прообразований и новозаветных исполнений, всегда наполнялся спасительным веянием служения Христова по воле Небесного Отца во Святом Духе. А с этой точки зрения пока ничто не затрудняло и не угрожало Финляндской Православной Церкви, которая могла оставаться в своем обычном состоянии не менее, напр., Сербии и Болгарии, доселе сохраняющих старый календарный режим в церковном обиходе.

Значит, календарное новаторство было внесено в церковную среду Финляндии со стороны, хотя сразу нашло в ней горячих и авторитетных защитников (может быть, не без предварительного взаимного соглашения). Замыслы и расчеты были не внутренне-церковные по источнику и по цели. Как же должна была отнестись к ним Церковь? Ей предстояло выяснить, не являются ли они антицерковными, и затем сказать прямо и точно, в какой мере неприемлемы или насколько допустимы. Это необходимо было сделать даже помимо внешнего чувствительного влияния в желательном светской власти направлении. Церковь живет и подвизается в мире и для самого успеха своей миссии обязана, так или иначе, сообразовываться с условиями его бытия. А враждуя с ним и устрояясь помимо их, она потеряет всякую почву для своей зиждательной работы на зем-

¹⁸ Ср. журнал «Утренняя Заря». 1929. № 5. С. 35–36 (*Прим. авт. ст.*)

¹⁹ «без гнева и пристрасти» — изречение древнеримского историка Публия Корнелия Тацита (ок. 56 – 117 гг. н.э.).

²⁰ В августе 1924 г. на Валаам пришло письмо из Иерусалима от архимандрита Мелетия. К письму, якобы по благословию митрополита Антония (Храповицкого), прилагались копии хранящихся в Лавре Св. Афанасия «сигилионов» XVI в. Патриархов Константинопольского, Иерусалимского и Александрийского и XVIII в. Патриарха Вселенского Кирилла со страшными «прещениями» и анафемой тем, кто следует Григорианскому календарю или «изменяет хотя бы йоту» в Соборных постановлениях. Письмо также сообщало о неразложившихся телах умерших несколько столетий назад афонских монахов, согласившихся с латинянами. Все это произвело ошеломляющее впечатление на большинство членов братства, и многие посчитали, что за празднование праздников по новому стилю они уже отлучены от Церкви без суда и следствия (см.: *Харитон (Дунаев), иеромонах*. Указ. соч. С. 216–221).

ле, и тогда ей, по Апостолу (1 Кор. V, 10), «надлежало бы выйти из мира сего», т. е. совсем исчезнуть. Равным образом и изменчивая математическая техника для нее не столь существенна; тем не менее Церковь не может идти против научных приобретений, не затрагивающих ее основ, почему в историческом течении она свободно и часто позволяла разные модификации в календарной области по согласию со своими христианско-педагогическими интересами. Но беда, если Церковь утратит всякое морально-контролирующее влияние в гражданском правопорядке и сама пойдет «по стихиям мира»... Ей всегда нужно «и сия творити и онех не оставляти». Так и в Финляндии при начавшемся календарно-новаторском напоре требовалось категорически формулировать, до какой грани она может принять его и где просто не вправе уступить, не погрешая перед самой собой. И исполнить это было тем легче и безобиднее для всех, что не имелось ни малейших затруднений и недоумений для решительного ответа, краткого и отчетливого, а именно: одна частная, Поместная церковь не правоспособна окончательно изменять пункты, установленные ее вселенским авторитетом, чтобы не оказаться в разрыве с целостным православным организмом и не стать раскольнической. Это ограничение относилось к празднованию Пасхи и не касалось прямо других праздников и богослужебных порядков.

Если бы так и сказано было сразу, то дело было бы ясно и могло разве оборваться в самом начале, но не осложниться или запутаться при неверном его направлении и тенденциозном применении, а что случилось фактически? 9 и 10 марта 1921 г. состоялся чрезвычайный собор Финляндской православной церкви. Тогдашний «глава», еще ранее высказавший полное сочувствие введению нового стиля (стр. 5)²¹, здесь прямо выразил свое согласие на все проектированные изменения (не исключая «Пасхального канона») и усиленно убеждал, чтобы «то постановление, которое вынесет собор, принять всем, как закон, и не нарушать мира в Церкви» (стр. 10–14). А постановление это, соборно воспринятое и без всяких оговорок подписанное архиепископом Серафимом (Лукьяновым), гласило: ввести повсюду с 5 октября Григорианский стиль в праздновании праздников, постановление о сем представить на одобрение и утверждение правительства и в тоже время просить у Патриарха (Тихона) благословения, но *«постановление о стиле входит в силу сразу же после утверждения его правительством государства; после того как это постановление будет введено в употребление, оно является обязательным, согласно общему закону о праздновании праздников»* (стр. 14). Формальное правительственное утверждение последовало 9 июня, а в октябре 1921 г. «все приходы и монастыри без всякого колебания и смущения перешли на новый стиль» (стр. 16). И, таким образом, календарная реформа спокойно принята была всею Финляндскою Православною Церковью для постоянного практического применения.

²¹ 3–6/16–19 октября 1917 г. в Валаамском монастыре состоялся съезд духовенства и мирян Финляндской епархии, на котором обсуждался вопрос введения нового календаря. Епископ Сердобольский (1914) Серафим, с 12 августа 1917 г. временно управляющий Финляндской епархией, не имея возможности лично присутствовать на обсуждении, сообщил съезду через помощника председателя, что он вполне сочувствует введению празднования православных праздников по новому стилю в приходах, где большинство прихожан найдет это необходимым.

Казалось бы, тут и конец всей этой истории, а между тем отсюда-то и началась вся беда, которая разрослась в трагическое бедствие — даже с участием полиции, то конвоирующей, то арестующей, то доносящей, иногда клеветнически (стр. 198, 203)²². В октябре же получено было из Москвы официальное сообщение, что «благословение Святейшего Патриарха на проведение в жизнь указанного постановления, не может быть дано, так как вопрос о стиле признан Священным Собором 1917–18 гг. подлежащим совместному решению Вселенской Церкви, для чего Святейшим Патриархом, на основании указаний того же Собора, сделаны уже соответствующие сношения с Вселенским Патриархом, дабы он от своего имени проставил данный вопрос на обсуждение предстоятелей отдельных автокефальных Церквей, после чего и могло бы уже состояться окончательное решение Вселенской Церкви» (стр. 16–17). Теперь архиепископ Серафим круто и резко изменил свое прежнее мнение, которое раньше сам же сделал достоянием всего общества, опубликовав его в печати. Под этим влиянием и участием стало распространяться и терроризировать паству обратное суждение, что исполнять соборное решение ныне не благословенно и, следовательно, греховно, ибо без патриаршего разрешения оно «не восприняло силы церковного закона», как утверждал архиепископ Серафим (стр. 44) и как повторяли все три православные монастыря Финляндии (стр. 49)²³. Естественно, что по этому авторизованному заключению многие, наиболее искренние и благочестивые души до крайности смутились, а простые люди и прямо усмотрели пред собою бездны ада. Оказалось, что раньше «монашествующие Финляндии с великою скорбью, в силу иноческого послушания... Предстоятелю Финляндской Православной Паствы подчинились постановлению» собора о новом стиле (стр. 48), а теперь — при противоположной позиции своего «главы» — как они могли мыслить, чувствовать и действовать? Слагалось и утверждалось убеждение, что лишь старая Пасхалия — православная (стр. 152, 190) и лишь старый календарь — православный (стр. 208), почему все новое будет, по крайней мере, неправославным или прямо еретическим. И эти настроения были тем грознее, что получили энергическую опору в большинстве братий монастырей, но последние были истинными хранителями и образцами правоверия. За пастырем пошло и стадо — особенно из русских, в чем нимало не было непатриотического, даже изменнического, русофильства, как напрасно внушали финские националисты, подливая масло на пылающий костер. Но, наряду с этим, правительство видело и слишком твердо помнило, что прежде, когда уместно было разъяснять,

²² От 19 февраля 1924 г. за № 296 донесение Выборгскому губернатору от полиции округа, в котором сообщается, будто бы настоятель Валаамского монастыря и большинство братии желают праздновать Пасху по новому стилю, но меньшинство, ссылаясь на разрешение архиепископа Серафима, требует, чтобы все церковные праздники праздновали по старому календарю. Из монастыря ответили, что вся братия единогласно желает праздновать Св. Пасху вместе со всей Вселенской Церковью по старому календарю и разногласий в этом вопросе не наблюдается.

²³ После того как был получен отказ Св. Патриарха Тихона благословить переход на Григорианский календарь всей Православной Церкви в Финляндии, архиепископ Серафим и правления монастырей отказались исполнять утвержденное ранее на местном Финляндском Собрании решение о переходе на новый календарь.

убеждать и протестовать, архиепископ Серафим без всякого принуждения высказался за реформу и усерднее других защищал ее, ссылаясь на те же каноны и нормы, которые сейчас с упорством выдвигал против нее. Понятно, что правительство охотно использовало такую изменчивость православного «главы» и по самому ее авторитету не могло находить здесь догматической неприкосновенности, а ссылку на Московского Патриарха склонялось объяснять тем, что «в этот чисто религиозный вопрос вошли иные течения» (стр. 227–228)²⁴... Во всяком случае, раз это дело — не догматическое, то патриаршее соизволение становилось не безусловно необходимым даже и в смысле церковно-иерархической соподчиненности. Иначе — надо было бы испросить патриаршее благословение на само созвание собора по такому предмету, чтобы Святейший Тихон заранее допустил возможность свободного решения, а ведь все — в том числе и архиепископ Серафим — хорошо знали вперед, что последнее будет в пользу реформы. Имелся и директивный прецедент, что даже основной статут Финляндской православной церкви от 2 ноября 1918 г. был утвержден Финляндским сенатом, но, кажется, не имел санкции Московского Патриарха (или Патриаршего Синода), который, однако, вполне признавал его и даровал (грамотою от 29 января 1921 г.) автономию «на изложенных в нем основаниях» (стр. 9)²⁵. Наконец, осуждал ли и отвергал ли календарную реформу Московский ответ? Ничуть нет! Патриарх Тихон только констатировал голый факт, что лично не компетентен тока решать этот общецерковный вопрос, ибо еще не имеет необходимых полномочий и данных, но он вовсе ничего не говорил против самой реформы и насчет ее дальнейшей судьбы, оставаясь временно в стороне и предоставляя все естественному течению. И, действительно, Патриарх Тихон потом разрешал для Церкви новый стиль в самых широких размерах, когда получил сведения (неточные) о готовности православного Востока (стр. 154, 180)²⁶. Несомненно, что патриаршее воздержание было совсем не принципиальным и нимало не равнялось церковному интердикту на принятое постановление, которое входило в силу *немедленно* (здесь и далее выделено авт. ст. — *Т. III.*) после правительственного утверждения, как государственный, действующий закон

²⁴ И промонархически, и пробольшевистски настроенные политические течения, действующие в Финляндии, не поддерживали идею самостоятельности и независимости Финляндского государства. Поэтому любая связь с бывшей Россией воспринималась правительством Финляндии как политическая провокация.

²⁵ В ответ на возбужденное ходатайство об автономии последовала грамота Святейшего Патриарха Тихона от 29 января / 11 февраля 1921 г. за № 139, согласно которой Священный Синод и Высший Церковный Совет Православной Российской Церкви признал Финляндскую Церковь автономною, в виду того, что она находится в пределах самостоятельного государства и фактически уже пользуется самостоятельностью во многих областях своей деятельности.

²⁶ Константинопольский Патриарх Мелетий (Метаксакис) после «Всеправославного конгресса» 1923 г. в июне уведомил Св. Патриарха Тихона, что Григорианский календарь принят общим решением Православных Церквей, после чего Св. Патриарх Тихон, не имея возможности быть более осведомленным о положении дел, благословил и Русской Православной Церкви в октябре 1923 г. перейти на Григорианский календарь. Однако, убедившись в некомпетентности конгресса принимать подобные решения, в ноябре он отменил свое постановление ввиду того, что одна Поместная церковь не может единолично решить вопрос о стиле.

для всех финляндских граждан, в чем обязался своею подписью и сам архиепископ Серафим, вскоре после того получивший по своей просьбе финляндское гражданство (стр. 79)²⁷... Очевидно, что не было ни кризиса, ни опасности ни в каком отношении. Существовало лишь некоторое временное затруднение формального свойства, ибо, по смыслу соборного решения, и патриаршее благословение и патриаршее veto ничего не изменяло в законе, как таковом, помимо всяких церковных санкций.

Что же нужно было делать православным при создавшемся положении по их же непредусмотрительности, не обеспечившей патриаршему голосу никакой легализирующей энергии? Ясно, что надо было всем — вместе с архипастырем и по его руководству — исполнять новый порядок, как государственный закон, никем церковно не воспрещенный, и ждать обещанного Патриархом Тихоном разъяснения. До тех пор никто не мог уклоняться от государственного долга под страхом юридической ответственности (стр. 221, 225)²⁸, и архиеп. Серафим не имел права «самостоятельно» допускать исключения, даже по никому не ведомой «воле Патриарха» (стр. 118–119), хотя он позволял себе подобные отступления (стр. 25, 53, 73, 119, 241)²⁹. Можно было лишь просить об этом правительство, которое, по-видимому, не противилось сему в начале (стр. 21)³⁰ и, при нормальном течении, вероятно, пошло бы на встречу благочестивым запросам верующей православной души.

Но, на горе всем, дело было направлено по иному, бунтовщическому пути и обострилось до степени опасного государственного скандала, вносящего жестокую внутреннюю смуту в самих православных общинах и нарушающего гражданский мир в стране, где все были возбуждены — искренно или тенденциозно, по неведению или по предусмотрению... В монастырях начались тяжкие раздоры — с уклонением от хождения в церковь и принятия Св. Тайн (стр. 285), с готовностью (конечно, лишь вербальной) одних умереть (стр. 170)³¹, других убить (стр. 176)³², а видные церковные новаторы отказывались от общения даже с монастырскими властями по своему священническому и гражданскому долгу

²⁷ Лица, не имеющие финляндского гражданства, не имели права участвовать в выборах и голосовать на собраниях.

²⁸ Поскольку Православная Церковь в Финляндии стала государственной, то все ее члены обязаны были исполнять распоряжения государственной власти относительно государственных церковных праздников.

²⁹ Архиепископ Серафим давал частные разрешения некоторым приходам праздновать церковные праздники по старому календарю, в том числе и Валаамскому монастырю.

³⁰ Церковно-учебное министерство в правительстве 31 декабря 1921 г. (№ 1553) поставило в известность архиепископа Серафима, что оно считает вопрос о частных разрешениях праздновать праздники по старому стилю относящимся к компетенции ведомства церковных должностных лиц и архиепископа Серафима, при условии, что это не будет нарушать общий церковный порядок в стране.

³¹ Письмо монаха-старостильника монаху-новостильнику от 14 декабря 1923 г.: «...если я сделал что, достойное смерти — не отмещуся смерти. Убеждения мои при мне останутся, которых я никому не навязываю» (Указ. соч. С. 170–171).

³² В 1923 г. монах Филогоний кричал вслед архиепископу Серафиму, посетившему Валаамский монастырь, чтобы уладить «стильный» вопрос: «Архиереи — Христопродавцы, начальники тоже, убить их надо!» (Утренняя заря. 1934. № 8–9. С. 64).

(стр. 197)³³... Печать держалась крайне возбужденно и разжигала страсти, нервирова население политическими выпадами и ассоциациями.

Вопрос с неизбежностью выходил из чисто церковной сферы — и без вины ее местных властителей — и обращался в гражданско-политический. Правительству было件 обязательно взять его в свои руки, чтобы гражданская жизнь во многих частях и слоях не расшаталась окончательно. И путь ему намечался самым ходом событий. Дело осложнилось тем, что с Московской церковной властью, находившейся вне государства, нельзя было объяснить, ни сговориться, чтобы найти благополучный выход. Посему требовалось обеспечить себе каноническую возможность внутри-государственного ликвидации подобных церковных коллизий и добыть достаточную собственную иерархию. Так встали на неотложную очередь вопросы о доступной для Финляндии «автокефалии» и о скорейшем избрании нового епископа.

Последнее предвиделось формально при самом образовании самостоятельной Финляндской церкви (стр. 89–90, 108 сл.)³⁴, но теперь явилась жизненной необходимостью, потому что архиерей с положением государственного чиновника, пошедший против государственного закона, конечно, не мог оставаться на месте. Это понимал и сам Серафим (стр. 213–214, 340). И тем удивительнее, что он не сделал необходимого вывода и дождался, пока (в декабре 1923 г.) его уволят (стр. 186)³⁵ и, для взаимного успокоения, заточат в Коневский монастырь на Ладожском озере...³⁶ Возражения архиепископа против намеченного кандидата, эстонского отца протоиерея Г. В. Аава, были совершенно не убедительны. Он указан специальной комиссией, уполномоченной для сего собором (стр. 90)³⁷, и, следовательно, являлся вполне правоспособным, между тем выдвигалось против него единственно то, что преосвященный Серафим его совсем не

³³ Весной 1924 г. протоиерей Сергей Солнцев, председатель Церковного управления, отказался от сообщения с представителями Валаамского монастыря под предлогом, что иеромонах Харитон в своих просьбах оставить монастырю право праздновать Пасху по старому стилю ссылается на Патриарха Тихона, чем нарушает свой «гражданский долг» обращением к «чужому» для Финляндской Церкви Патриарху Московскому (Письмо протоиерея Сергея Солнцева иеромонаху Харитону от 2 марта 1924 г. // Указ. соч. С. 195–197).

³⁴ «Постановление о Финляндской Православной Церкви» от 26 ноября 1918 г., разработанное национально ориентированными клириками епархии в согласии с правительством страны, определяло жизнь Православной Церкви Финляндии фактически вне всякой зависимости от какой-либо иной Церкви и назначало для нее статус второй, «национальной церкви меньшинства». Согласно Постановлению, высший церковный орган, Собор, должен был решать сугубо внутренние, вероисповедальные вопросы, а правительство наделялось полномочиями образовывать новые епархии и приходы, назначать епископов, открывать и закрывать монастыри, определять обязанности духовенства.

³⁵ Формальным поводом для отстранения архиепископа Серафима послужил его отказ соответствовать государственному закону о языке.

³⁶ Архиепископ был направлен в Коневский монастырь с назначением пенсии в 12 тыс. финских марок.

³⁷ На заседании 11 февраля 1922 г. под председательством архиепископа Серафима Церковное управление постановило поручить соборной подготовительной комиссии представить кандидата на должность викарного епископа. Комиссия не смогла найти подходящего кандидата в Финляндии и обратилась к Архиерейскому синоду Эстонской Церкви, который 28 апреля 1922 г. (№ 1225) предложил кандидатуру протоиерея Германа Васильевича Аава.

знает (стр. 71, 93, 113, 210), хотя сам же дважды не принял о. Г. В. Аава (стр. 90)³⁸ и не искал встречи с ним, к чему призывался положением дела. Надо было назвать более достойного и пригодного человека, но архиепископ уклонялся от этого и фактически только запутывал кризис до безнадежности. Понятно, что позднейшие его ссылки пред Константинопольским Патриархом на частный разговор с о. Г. В. Аавом (стр. 114)³⁹, без комментариев со стороны последнего, и странное указание на многочисленность его детей⁴⁰ (ср. 1 Тим. III, 4–5), не имели никакого влияния. Кандидатура о. Г. В. Аава была законна (стр. 95)⁴¹ по всяким основаниям, принята Финляндским собором (стр. 71)⁴² и справедливо легализирована в Царьграде возведением его в сан епископа на вакантную кафедру викария. После сего нетерпимые суждения архиеп. Серафима, что посвящение о. Аава — удар Православию (стр. 342), грозящий его «основам» (стр. 119), и митрополита Антония (Храповицкого), грубо объявившего епископа Германа простым мирянином и пригласившего православных финляндцев даже к временному беспоповству (стр. 250 сл., 278, 284, 337)⁴³ — просто непостижимы и неизвинительны абсолютно.

II

Немного иначе было с «автокефалией». Она не была столь официально предрешена ранее, хотя, по многим причинам, составляла предмет заветных

³⁸ Протоиерей Г. Аав был вызван подготовительной комиссией в Финляндию для знакомства с его кандидатурой, дважды пытался представиться Архиепископу, но ему объявляли, что «архиепископа нельзя заставить».

³⁹ Архиепископ Серафим писал Константинопольскому Патриарху Мелетию о том, что Герман Аав при встрече производит тягостное впечатление и о канонах Православной Церкви говорит, как об отживших свой век.

⁴⁰ «От священника Аава я узнал, что у него шесть человек детей младшего возраста. Это обстоятельство весьма затрудняло бы для него прохождение епископского служения и трудно совместимо со званием хотя бы рясофорного монаха» (Письмо архиепископа Серафима Константинопольскому Патриарху Мелетию // Указ.соч. С. 114).

⁴¹ Протоиерей Г. Аав был выбран на должность викарного епископа в соответствии с порядком, установленным Постановлением о Православной Церкви в Финляндии 1918 г. Протокол избрания подписали архиепископ Серафим, и Финляндское правительство дало согласие на этот выбор.

⁴² Кандидатура протоиерея Германа, вопреки протесту председательствовавшего на Соборе архиепископа Серафима, была избрана на должность викарного епископа большинством голосов на 2-м Сердобольском Соборе 17 июня 1922 г. На выборном заседании председательствовал протоиерей С. Окулов, присутствовало 56 депутатов (от 15 русских приходов было 4 депутата, ввиду ограничений для русских, согласно Положению о Церкви 1918 г.), был выставлен один кандидат, который и был выбран 38 голосами против 17 (при одном пустом билете). Не имевшие финляндского гражданства клирики и прихожане не могли участвовать в выборах и работе Собора. Архиепископ Серафим отказался представлять кандидата высшей иерархической власти для канонического утверждения.

⁴³ «Ставленникам бритого Германа я бы посоветовал побывать у настоящего православного Владыки и просить, чтобы он прочитал над ними молитву разрешаемого от клятвы. Избегать по возможности от них принимать Св.Тайны лучше, пока не получают разрешения, но совершенно не признавать их нельзя, пока не было суда над ними» (Из письма митрополита Антония (Храповицкого) на имя о. Иоанна Пупкова // Указ. соч. С. 251).

желаний и стремлений финляндской правительственной власти и солидарных с нею влиятельных церковных кругов (стр. 7, 77, 105 сл., 109, 111, 137, 140). Однако с нею можно было повременить. И, проживая в Финляндии с конца августа 1921 г. по май 1922 г., я не слышал, чтобы тогда старались добиваться ее немедленно и во что бы то ни стало. Ждали случая, а пока разве лишь подготавливали и обходились с автономией, которая, по выражению Патриарха Тихона в письме от 1921 г. митрополиту Варшавскому Георгию, фактически «мало чем разнилась от автокефалии». Пример Латвии и Литвы, формально не имеющих последней доселе, показывает, что нужды в экстренной спешности тут не было, а существовал немалый риск, что при всяческих «междуцерковных запутанностях», ловя рыбу в мутной воде, можно получить нечто случайное, паллиативное и, пожалуй, тоже сомнительное. Все-таки порядок «фактической автокефальности» не мог оставаться неопределенно длительным, судя даже по Литовской Православной Церкви. Сама она считает себя только «Литовской православной епархией» и канонически всецело подчиняется Московской патриаршей кафедре; тем не менее, Литовский владыка Елевферий вынужден был «политическими условиями своей жизни» просить для себя высшую Московскую церковную власть о фактической автокефалии, и она дана была ему постановлением теперешнего Патриаршего Местоблюстителя, митрополита Сергия, и временного при нем патриаршего Священного Синода 28 ноября 1928 г.⁴⁴

Тот же безболезненный процесс мог совершиться и в Финляндии, но напрасно и неразумно созданная острота по части календаря вынудила Финляндское правительство урегулировать дело немедленно, чтобы погасить бушевавшую бурю и гарантировать от подобных опасностей в будущем. При этих осложнениях трудно было оспаривать право и законность Финляндской власти для автокефальных исканий. Архиепископ Серафим опять возражал столь же твердо и... весьма нерезонно. Правда, аналогии с Черногорскою митрополией и Синайскою архиепископией (стр. 82) не были принципиально принудительными (стр. 86), но все-таки они являлись оправдывающими, а некоторые дальнейшие канонические приспособления и даже «отступления» порождались и мотивировались независимыми и неустранимыми условиями особого строя в новых государственных образованиях по отделении окраин от прежней России. Все равно, в них нельзя было ввести *jus strictum*⁴⁵ всех канонов полностью. Неужели отсюда следует, что лучше эти Церкви держать в канонической хаотичности? По-видимому, так — если не думал, то действовал архиепископ Серафим, потому что он, протестуя слишком энергично, совсем упорно молчал о более канонических возможностях и более верных путях. Его субъективная «уверенность, что Св. Патриарх Тихон не дал бы своего благословенья на автокефалию Финляндской церкви» (стр. 119), никого не убеждала и ничего не улучшала. Как будто предпочиталось инертно стоять и апатично созерцать пожар собственного

⁴⁴ См.: «Голос Литовской православной епархии» № 10–12 за 1928 г., стр. 98 (Прим. авт. ст.).

⁴⁵ «строгое право» — формула римского права, позволяющая противопоставить строго формальному применению правовых норм более углубленное истолкование их с учетом требований *bona fides* («добрословестности»).

дома.... Не полезнее ли было искать новых, хотя бы временных, средств по неотложным церковным нуждам? А в этом отношении даже наиконсервативнейший авторитет (научный сторонник Юлианского стиля против Григорианского), покойный профессор В. В. Болотов прямо формулировал категорическое правило: *что* полезно для Церкви, *то* и канонично. Но Финляндские правители не пошли на это. Напротив, они сделали то, что обязан был сделать архиепископ Серафим прежде всего. В своем ответе по поводу искомого от него благословения Святейший Тихон ссылался на Цареградского Патриарха, как инициативную силу в календарном вопросе. Так как сношения с первым были тогда совершенно невозможны до неопределенного срока, то по самому патриаршему указанию было естественно, благоразумно и вполне законно апеллировать в Константинополь. Так и поступило Финляндское правительство, получив там все желаемое и, во всяком случае, удовлетворившись данным.

И я, безусловно, согласился бы с этим положением, если бы тут не имелось вольных и невольных недоразумений со всех сторон. Насчет отца Г. В. Аава, хиротонисованного во епископа и потом возведенного в архиепископа, не может быть ни малейших споров, почему его признавал и прежний архиепископ Серафим, имевший с ним полное общение. Значит, преосвященный Герман есть законная церковная власть, *обязательная* для всех православных христиан в Финляндии и ответственная только пред своею высшею каноническою инстанцией, каковою, опять же, принимал и архиепископ Серафим Константинопольского Патриарха. Никакие пререкания и мнимо канонические самосуды насчет его теперь недопустимы и никогда не будут оправданы (хотя ему самому тоже нужно бы практически памятовать о своих напрасных новшествах: Мат. XVIII, 6–7. Мар. IX, 42. Лук. XVII, 1–2; 1 Кор. VIII, 9–13). Дозволительны по церковным делам лишь легальные апелляции в Константинополь, но не прямо и непосредственно — когда будет жалоба или донос, — а чрез центральный орган высшего церковного управления в Финляндии, чтобы оно отослало по назначению со всеми необходимыми справками и с разъяснениями заинтересованного лица⁴⁶.

Это своего рода каноническая аксиома, но ее совсем нет в отношении общего положения Православной Финляндской Церкви. По-видимому, склонны считать и стараются внушать, что, согласно ходатайству (стр. 136), она навсегда поступила в ведение Константинопольского Патриарха и окончательно освободилась от Патриарха Московского (стр. 140, 274), ставшего теперь для нее «чужим» (стр. 196), как это, вместе с церковным управлением, официально апробировал и архиепископ Серафим (стр. 139). Предполагается, что Финляндская Православная Церковь приобрела, по крайней мере «автономию в широком размере» (стр. 135), имеет прав больше прежнего и — при участии Цареградского Патриарха — способна уладить все внутренние дела самостоятельно, в частности и в особенности — погасить календарную распрю. По всем этим пунктам я

---

⁴⁶ Видимо, имеются в виду письма архиепископа Серафима Константинопольскому Патриарху Мелетию, в которых он объяснял причины своего несогласия с кандидатурой протоиерея Германа Аава, которые были потом переправлены из Константинополя в Финляндское церковное управление.

должен решительно разочаровать тех, кто, достигнув желаемого *per fas et nefas*⁴⁷, требует *quieta non movere*⁴⁸... Правда, в Константинополе «смело пошли на встречу возможному удовлетворению обращенного туда совместного ходатайства церкви и государства» Финляндии (стр. 123), но — пользуясь выражением Патриарха Тихона по другому случаю (стр. 150) — это была «ненужная поспешность», какую столь усердно в подобных условиях всегда проявлял Царьград по своим особым видам и по собственным влечениям ... И вот теперь Константинопольский Патриарх прямо и просто подчинил себе Финляндскую Православную Церковь (стр. 124), венчая ее автономность своим главенством (стр. 139) и открывая для нее лишь отвлеченную возможность полной автокефалии с его соизволения.

Финляндцы охотно верят, что Цареградский Патриарх устроит им все это, как окончательный распорядитель судеб Финляндской Церкви (стр. 140). И фактически сам он столь же «смело» держит себя в этой взаимно усвоенной роли, но... пока не только не дает ничего большего (кроме излишней политической угодливости), а, напротив, лишает прежних прав. Так, архиепископ Финляндский отныне обязан получать св. миро из Царьграда (стр. 126), о чем там крайне заботливо стараются в отношении всех обращающихся церковей (например, даже Польской), но мы хорошо помним, что в 1922 г. св. миро изготовлялось в Выборге для местных потребностей и для нужд других церковей.... Таким образом, мы имеем лишь ограничение и лишение, канонически ровно ничем не обоснованные⁴⁹.

Пожалуй, еще хуже были результаты касательно календарной смуты, которая не только не прекратилась и не смягчилась, но усилилась и расширилась. Константинопольская Патриархия действовала тут оппортунистически, непосредственно и смутительно (стр. 55, 171, 179, 190, 202, 204, 207; 216, 297) — то она для Пасхи оставляла старый стиль, то предписывала для нее новый, удерживая у себя старый (стр. 227, 232) и ссылаясь в свое оправдание на Патриарха Тихона (стр. 283), хотя хорошо знала, что тот давно отказался от «новостильничества». За эту византийскую «экономией» не виделось принципиально устойчивой базы, и все это церковное политиканство воспринималось многими, как расчетливое хамелеонство, связанное с подозрительными мотивами (стр. 172)⁵⁰.

Не дала благих плодов и специальная комиссия уполномоченного Константинопольского Патриархата, так называемого Фиатирского митрополита Германа (Стринопула), нарочито приезжавшего на Валаам в сентябре 1925 г.⁵¹ Разуме-

⁴⁷ «правым и неправым путем», т.е. достижение цели всеми дозволенными и недозволенными средствами.

⁴⁸ «не трогать того, что покоится», т.е. не нарушать существующие традиции в той ил иной области общественных отношений..

⁴⁹ Если тут одна церковная юрисдикция сменилась другою, ничуть не меньше, то, очевидно, побуждения и интересы для сего были не (чисто) церковные, а именно политические, в чем столь тенденциозно и напрасно обвиняли обитающих в Финляндии русских «старостильников», слагая вину с больной головы на здоровую (*Прим. авт. ст.*).

⁵⁰ Валаамский монастырь наполнился слухами о том, что посольство от Финляндской Церкви и правительства подкупило Константинопольского Патриарха, который ввел новый стиль, и даже называлась сумма в 50 тыс. марок.

⁵¹ Согласно докладной записке митрополита Германа после поездки в Финляндию, не стоит отменять новый календарь и Пасхалию в Финляндской Церкви, т.к. новый календарь, по его мнению, искони господствовал в Финляндии, а православные приходы составляют

ется, он старался творить волю пославшего, закрепленную его распоряжениями и практикой, и действовал предвзято и тенденциозно, ибо, например, констатируя «нарушение», не ослаблял и не разъяснял его, а подкреплял своим соучастием (стр. 262)⁵², сознавая и сам допуская (стр. 298) неправильность сделанного обобщения в данном от Патриарха Тихона исключении касательно Пасхи (стр. 6)⁵³, совсем «не хотел вникать в сущность вопроса» (стр. 299–300), всю беду календарных волнений сводил к «нечестному делу заграничных подстрекателей» (стр. 301), в особенности митрополита Антония (Храповицкого), которого объявлял даже «подлежащим церковному суду за вмешательство в дела чужой ему церкви» (стр. 271)⁵⁴. Между тем, верное с отвлеченной точки зрения, это распаленное суждение было совершенно неправильно фактически, так как здесь было не «вмешательство», а лишь «ответ» «вопрошающим словесе о своем уповании», смущенном византийскою изворотливостью, по которой митрополит Герман намеренно замолчал это обстоятельство, хорошо ему известное и вполне понятное. Его собственный «способ» решения, заранее огражденный «привлечением в будущем к суду провинившихся за истекшее (какое?) время» с тщательным наблюдением «за исполнением назначенных кар» (стр. 302), апеллирует лишь к «настоятельной нужде в приспособлении к общим принципам и условиям жизни в новом государстве» (стр. 301), но, привыкнув к «экономической» аккомодативности при Турецком режиме, «смелый» арбитр не должен был забывать, что

меньшинство, внутри них нет согласия по этому вопросу. Свободу же монастырям нельзя предоставлять, т.к. на них ориентируется большинство приходов и это вызовет беспорядки. Линию, которую проводит Церковное Управление, — обязательное введение нового стиля — митрополит не советует менять, чтобы не подорвать авторитета Церковного Управления, к тому же число противников нового стиля уменьшается с каждым годом. Он предлагает выпустить циркуляр, успокаивающий население, что вопрос календаря не является вопросом веры и догматов (Докладная записка митрополита Германа после поездки в Финляндию: «Способ решения вопроса», 1925 // Архив Финляндского Валаамского монастыря).

⁵² Митрополит Герман отказал просьбе валаамских монахов совершить службу в Валаамском монастыре прежде своего сослужения с нарушившим Пасхальный канон епископом Германом (Аавом), сославшись на то, что Вселенский патриарх знает об этом нарушении, а уклоняться от общения с епископом прежде суда над ним, есть также нарушение канонов.

⁵³ В 1917 г. Св. Патриарх Тихон разрешил ввести новый календарь в тех финляндских приходах, в которых 2/3 православных этого желают. Данное позволение было сделано в качестве исключения для Финляндской епархии, но не общеобязательного распоряжения, которое следовало обобщать.

⁵⁴ В 1920-е гг. Архиерейский Синод Православной Российской Церкви за границей ощущал себя неотъемлемой частью единой Русской Православной Церкви, и в условиях несвободы православия в Советской России многие русские за границей принимали голос Заграничного Синода за мнение всей полноты Русской Православной Церкви. Русские монахи в Финляндии, не принявшие финляндского подданства, обратились к митрополиту Антонию (Храповицкому), возглавлявшему Синод заграничных архиереев, за разрешением своих смущений по поводу введения в Финляндской Церкви нового календаря. Подобное обращение не могло обрадовать Финляндское Церковное Управление, особенно после того, как митрополит Антоний отрицательно высказался о возможности служить по новому стилю в Финляндии. На страницах официального печатного органа Финляндской Православной Церкви журнала «Утренняя заря» о владыке Антонии отзывались в весьма раздраженном и грубом тоне. Эта полемика приобрела скандальный характер и, к сожалению, много способствовала накалу общей атмосферы.

таким путем можно зайти слишком далеко и, рекомендуя приспособительность к неправославному лютеранскому строю, легко допустить тоже в отношении нерелигиозного большевизма, как это и делает издавна представитель Вселенской Патриархии в Москве архимандрит Василий Димопуло (стр. 12), особенно при слишком «соизволявшем» Патриархе Григории VII. А последний аргумент митрополита Германа тот, что после всего случившегося трудно повернуть назад, почему надо помириться с совершившимся фактом и принять его за каноническую норму (стр. 300). Едва ли нужно доказывать, насколько неожиданно и удивительно слышать подобную мотивировку со стороны православного иерарха, который должен знать, что этим «способом» легко оправдать и оправдывалось все, но, во всяком случае, не чистая истина...

Все эти специфические акции «миротворческого» делегата Цареградского, умышленно припутывавшего непричастное к делу русофильство и свободно проявлявшего безнаказанную русофобию (ср. стр. 299), весьма болезненно воспринимались взволнованной средой, усугубляли бурление и породили новые крайности. Утрачивая веру в высший беспристрастный суд, некоторые стали думать и распространять, что и без него всякий нарушитель канонов осуждается самым своим нарушением и уже фактически несет на себе его последствия и лишения (стр. 216–217, 259, 261, 267–268, 274); посему большинство Валаамцев, ссылаясь на 7-е Апостольское правило и на 1-е правило Антиохийского собора, отказались от сослужения с митрополитом Германом и со своим Преосвященным⁵⁵ и от общения с ними, как совершавшими Пасху неканонически — по новому стилю, а потом со скорбью обособились и между собою до полного разрыва⁵⁶ (стр. 272, 273, 277, 285, 304, 314, 339), даже несмотря на тяжкие кары по вышеуказанному «примирительному» рецепту митрополита Германа... Суждение и поведение упорных были, конечно, совсем неправильны. Разумеется, всякий бывает грешником уже в самый момент согрешения, но эта вина юридически засчитывается лишь после установления ее компетентным авторитетом, и только тогда начинается определенная наказательная санкция. «И до закона грех был в мире; но грех не вменяется, когда нет закона», — говорит св. Апостол Павел (Рим. V, 13), обязывая нас не спешить с осуждающею вменяемостью, пока она законно не обоснована и формально не утверждена. Даже благочестивый иудей Никодим вопрошал (Иоан. VII, 51): «судит ли закон наш человека, если прежде не выслушают его и не узнают, что он делает?» Посему, не будем судить прежде времени (1 Кор. IV, 5), памятуя слово Господне (Иоан. VII, 24): «не судите по наружности, но судите судом праведным».

Но если все это самоочевидно, то тем ярче оно свидетельствует о господствовавшем тогда настроении совершенного недоверия к церковным вершителям даже в отношении наипростейших истин. И происходило это не от нечестивого сопротивления или русофильского бунтарства, а исключительно от того,

⁵⁵ Епископом Германом (Аавом).

⁵⁶ Настоятель Валаамского монастыря игумен Павлин и его помощник иеромонах Харитон, чтобы избежать скандала, согласились сослужить с прибывшими в монастырь митрополитом Германом (Стринопуло) и епископом Германом (Аавом). После чего старостильная часть Валаамского братства прекратила с ними общение.

что не усматривалось объективных оснований для доверия. В свою очередь и эта дефективность зависала не от произвола доминировавших лиц, но от самого канонического положения, которое не было обеспечено принципиально и потому не могло давать незыблемых прав, наделяя лишь крайне сомнительною по своей изменчивости «экономией». Константинопольская Патриархия считает и внушает, что она окончательно «избавила» Финляндскую Православную Церковь от всякой зависимости от Московского Патриарха, освободила навсегда от связи и отношений к нему и всецело подчинила своей исключительной юрисдикции. В этом направлении Вселенская Патриархия вообще стала деспотически обнаруживать после мировой войны некие папистические стремления⁵⁷ и старалась прибрать под свою руку все отделившиеся от России церковные новообразования и русскую эмиграцию, а при «смелом» Патриархе Григории VII-м простерла свое «премное дерзновение» до покушения на неприкосновенность Московского Патриарха⁵⁸ в сторону подвластной ответственности пред нею, но встретила внушительно-грозный отпор от Святейшего Тихона и пока отказалась от захвата цитадели, сосредоточившись на филиалах, лишенных высшей защиты или заранее готовых к сдаче⁵⁹...

Но и здесь ее компетенция строго ограничена, не должна быть применяема и чужда силы вне точных канонических норм, что Вселенский Патриарх принимает заботу о Церквах, почему-либо оставшихся без верховного папского попечения (ср. стр. 124). Это не только его право, но и обязанность, однако ни на

⁵⁷ В этом отношении чрезвычайно характерны и симптоматичны по принципиальному значению тревожно-предусмотрительные хлопоты и заботы «соответственных» кругов, что — в случае перенесения его седалища из Константинополя — Цареградская Патриархия в качестве «Вселенской» должна обеспечить себе место и положение «как представительница всего православного мира» (см. Софийский журнал «Пастырско Дело» № 20 за 1929 г., стр. 3), а это есть своего рода «восточный папизм» «византийского папы» — по суждению наиболее авторитетных канонистов, профессоров Д. С. Павлова и Н. С. Суворова. Во всяком случае предполагаемое там понимание «экуменичности» Цареградского Патриарха не оправдывается ни теорией, ни историей, хотя, как видим, и стремится к своей реализации на практике при удобных для сего условиях, если назначается и посылается неведомый прежде «апокрисиарий Святейшего Вселенского Патриарха (епископ Трахийский Александр Зотос) при блаженнейшем митрополите всея (автокефальной по его же решению) Польши» даже без предварительного сношения и уведомления последнего (см. «Воскресное Чтение» 1929 г., № 22, стр. 359–360) (*Прим. авт. ст.*).

⁵⁸ Константинопольский Патриарх Григорий VII предлагал упразднить в Русской Православной Церкви патриаршество как несвоевременно возникшее в обстановке гражданской войны.

⁵⁹ См. в Варшавском «Воскресном Чтении» 1929 г., № 15, стр. 238–239 весьма важные (и доселе не опровергнутые) заявления легата Константинопольской Патриархии, митрополита Трапезундского Хрисанфа о теперешней принадлежности права представительства для выделенных из Русских новых православных церквей именно «Вселенскому Патриарху» на проектируемом им церковном «соборе» и о том, что архимандрит Василий Димопуло (стр. 10) унаследовал свои полномочия «представителя Вселенского Патриарха в Москве» по преемству от своего умершего дяди, а сам их не получал и действует «совершенно незаконно»... Но последнее противоречит несомненным фактам и актам и ясному свидетельству официального органа Константинопольской Патриархии «Ortodoksia», где (1929 г., № 39, стр. 129) «*παῖος. Ὁ Ἀρχ. κ. Βασ. Διμοπούλος*» прямо называется «*ὁ Πατριάρχης ἀντιρροσῶλος*» (*Прим. авт. ст.*).

шаг дальше, ни на йоту больше! Поэтому Цареградский Патриарх не имеет власти и не может ни освободить навсегда от прежнего соподчинения временно сиротствующую Церковь, ни включить ее в свой постоянный состав, но проявляет в отношении ее лишь попечительный патронат до тех пор, пока восстановится законная субординация, после чего это временное заведывание прекращается само собою. Посему, «вступивши в управление Российской Православной Церковью», Патриарх Тихон вынуждался самим законом напомнить о возвращении православной Финляндии в его ведение (стр. 139)⁶⁰, а Финляндское церковное управление отвергло это неканонично и возражало самопротиворечиво, то ссылаясь на predeterminedность «независимости Финляндской Церкви», то констатируя, что Константинопольским Патриархом последняя «принята под свою юрисдикцию не временно, а постоянно» (стр. 140). Надо было сказать иное, что она не может теперь распоряжаться сама, и Патриарху Тихону со своим извещением нужно обратиться прямо в Константинополь, временно ведающий ею, и более прочно обеспечить ей каноническое положение, дабы волею непредвидимых судеб и лиц Финляндская Православная Церковь не обращалась в переметную суму, которая перебрасывается с одного плеча на другое... Но скоро сама жизнь устранила возникшее затруднение, ибо Патриарх Тихон опять оказался без надлежащей свободы управления, а Московская церковная жизнь пришла в (попускаемое Константинополем) «обновленческое» замешательство, почему и попечение о Финляндской Православной Церкви должен был взять Вселенский престол. В этом состоянии дело пребывает доселе, и тут естественно кончается наш обзор.

* * *

Мы видели там постоянную междоусобную войну с широкими и болезненными отражениями в правительственных и общественных сферах, — войну тяжелую, разрушительную для православия и потому крайне прискорбную. Она значительно ослабела, но все еще продолжается, однако, будучи зловредной принципиально и практически, непременно должна быть ликвидирована достойным миром, и чем скорее, тем лучше для всех! Но как достигнуть этого отрадного результата?

Для успешного и действенного ответа все факторы нужно брать в их истинном значении и каждый поставить на свое место. Ни малейших преувеличений или увлечений ни в какую сторону!

⁶⁰ «Заслушав доклад Церковного Управления Финляндской Православной Архиепископии от 13 октября 1923 г., Святейший Патриарх Тихон и Священный при нем Синод, 14 ноября 1923 г. за № 132, постановили: Так как Святейший Патриарх Тихон вступил в управление Российской Православной Церковью, то причина, по которой Константинопольский Патриарх считал нужным временно подчинить Финляндскую Церковь своей юрисдикции, ныне отпадает, и Финляндская епархия должна возвратиться под ведение Патриарха Всероссийского. Посему предложить Преосвященному Архиепископу Финляндскому, обсудив положение дела со своим Церковным Советом, выяснить в сношении с правительством Финляндской Республики возможность возвращения церковных дел в Финляндии в их законное положение. Член Священного при Патриархе Синода Архиепископ Иосиф» (*Харитон (Дунаев)*, иеромонах. Указ. соч. С. 139).

И, вот, прежде всего, необходимо согласиться, что теперешней status Финляндской Православной Церкви совсем не постоянный и не окончательный, а безусловно временный и в смысле отношений к Московской Патриархии и по обеспечению искомой «автокефалии». Константинопольская Патриархия канонически неспособна ни к либерации, ни к донации, не может снять Московскую соподчиненность и неправомерно даровать автокефальность, вместо которой пока ввела новые ограничения в церковной области (насчет мироварения); пожертвовав гражданско-политическую защиту в пользу благоусмотрения правительства. Но для более или менее спокойного существования и развития Финляндской Православной Церкви она должна быть, по возможности, избавлена от колебаний и случайностей своего высшего правления и для сего имеет оставаться в попечительном ведении Вселенского Патриарха, впредь до успокоения в главных поместных церквах и до восстановления правильных взаимоотношений между ними! когда только и может быть совокупно, соборно решен бесповоротно вопрос о ее каноническом положении. До тех пор она не является «чужою» для Московской центральной власти, и потому в начале справедливо предполагалось возносить и имя Московского Патриарха после Константинопольского (стр. 139).

Я непоколебимо уверен, что при водворившемся общецерковном умиротворении Финляндская Православная Церковь беспрепятственно получит от Москвы охотное согласие на независимость от нее и на собственную «автокефальность», а той порой обязана довольствоваться — под патронатом Царьграда — «фактической автокефалией» и систематически готовить все условия, средства и приспособления, потребные для канонически-вселенского санкционирования и признания ее со стороны высшей иерархии, для увеличения лиц которой в Финляндии, надеюсь, не откажется прийти на помощь правительство (если и Эстония уже имеет третьего архиерея в Печерском монастыре, то почему Валаам не мог бы получить *своего* архипастыря для Финляндских обитателей?), по обеспечению духовного образования во всех его формах, в частности — для воспитания пригодного контингента просвещенных членов клира и т. п. В этом отношении и при этих условиях теперешнее каноническое положение Финляндской Православной Церкви в данный переходный период приемлемо и для всех фактически обязательно.

То же до некоторой степени верно и для календаря. По вине или попустительству самой церковной власти он, по ее ходатайству, перешел в гражданское ведение, ибо — по смыслу утвержденного церковного постановления, ставшего государственным законом, — патриаршее благословение имело только декоративное значение без всякой юридической силы, легально приобретенной во всей полноте помимо его и в нем не нуждающейся. Посему тут ничего не может изменить сам по себе и Константинопольский Патриарх, кроме просьб и апелляций к Финляндскому правительству об изъятиях и диспенсациях. Затем, и по существу своему, взятое календарное решение о введении в церковный порядок нового стиля не вызывает принципиальных, догматическо-канонических возражений, а некоторые практические неудобства в богослужебном течении могут быть урегулированы по сношению с Константинополем, для чего уже имеются

известные готовые проекты и опыты (ср.: стр. 141 сл.155, сл. 190)⁶¹. И здесь для всех истинно верующих и искренно благочестивых православных христиан будет каноническим и благословенным не упорство и не противоборство, а послушание и усердие Господа ради.

Но касательно Пасхи и, значит, подвижных праздников есть исключительное затруднение, что «Пасхальный канон» принят и освящен Вселенским собором, а междуцерковного соглашения об изменении его пока не имеется. Это — ни от кого не зависимое, принципиальное препятствие, совершенно не связанное ни с каким национализмом и чуждое всякого русофильства, каковое обвинение особенно неприлично в иерархических устах делегата Вселенской Патриархии. В этом пункте всякая поспешность и непреклонность крайне опасны, как видим по непрекращающимся жестоким, иногда даже позорным, смутам в Греции, Румынии (resp.⁶² Бессарабии) и даже на Афоне, полагаю, свободных от всякого русофильства, если только не склонных к обратным настроениям... Имея в виду эти предостерегающие примеры и преследуя общегосударственные интересы для всех граждан, мудрое Финляндское правительство — я уверенно надеюсь! — сделает необходимые уступки, не вносящие соблазняющей дезорганизации. Только идти к этому нужно путем ходатайств от Церковного управления чрез Вселенского Патриарха, чтобы он получил и передал правительственную лицензию для тех или других определенных случаев. Во имя воспоминаемого сегодня Апостола Онисима, позволю себе сослаться, что если сам св.Павел, располагая «великим во Христе дерзновением приказывать» о нем Филимону, предпочитал по любви просить последнего (Филим. 8 сл.), то какой другой способ, кроме прошения, может быть канонически дозволенным и спасительным для чад Православной Финляндской Церкви? А буде успеха не будет — чему я по совести не верю — то надо временно подчиниться создавшейся необходимости и (как уже было принято в начале, после собора) покорно исполнять обязательный государственный закон, возлагая ответственность пред Богом на виновников этой принудительной коллизии. Такое невольное приспособление ничуть не беспримерно, раз прежде Константинопольская Церковь молилась за нечестивого агарянина-султана и теперь преклоняется пред индифферентным мусульманином Кемаль-пашой, а патриаршая Москва поминает атеистических и антихристианских «властей», «да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте»⁶³ ... Это, конечно, не совсем удобно, но пока неизбежно по гражданскому состоянию православных финляндцев. Они должны твердо помнить и добросовестно соображать, что и при другом исходе получилось бы то же самое гражданское подчинение. *Гражданское* правительство Финляндии не может своею властью отменять *церковное* постановление, а если бы оно сделало это в отношении данного закона и тем прямо или косвенно ввело

⁶¹ Имеется в виду постановление по вопросу церковного календаря, выработанное в 1923 г. на «Всеpravославном конгрессе» в Константинополе, проходившем под председательством Константинопольского патриарха Мелетия.

⁶² сокр. от respectively — соответственно.

⁶³ См. «Голос Литовской православной епархии» 1928 г., № 10–12, стр. 100 (*Прим. авт. ст.*)

иной (прежний) порядок, то, последний, как вызванный к бытию гражданской инициативой, был бы теперь по своему происхождению уже гражданским. Для придания ему церковной авторитетности пришлось бы прибегать к археологическим церковным ассоциациям, но именно эти искусственные соображения и сближения и способствовали возобладанию произвола и суемудрия, которые в прошлом осложнили до нетерпимости календарный вопрос. Его преодолимые разумом, любовью и снисхождением трудности обострились до гибельности людским пристрастием, «святительским недозированием» и человеческою нетерпимостью, а без них — устранимы, хотя бы временно и условно. Неужели нормально первое и не желательно второе? А ведь «ЧТО ДОБРО, ИЛИ ЧТО КРАСНО, НО ЕЖЕ ЖИТИ БРАТНИ ВКУПЕ» (Псал. СXXXII, 1)? Посему: да престанет война и — при взаимном и всецелом всепрощении — да водворится мир в православной Финляндской Церкви!

Г. София (Болгария). 1929 февраль 28(15) — четверг.

Ключевые слова: Финляндская Православная Церковь, календарная реформа, григорианский календарь, юрисдикция, Московский Патриархат, Константинопольский Патриархат.

N. N. GLUBOKOVSKY. «WAR AND PEACE» IN THE FINNISH ORTHODOX CHURCH

The publication acquaints readers with the article of merited professor Glubokovsky N. N. ««War and Peace» in the Finnish Orthodox Church» that was published in Sofia in 1929. It contains the comments on the book of Valaam hieromonk Hariton (Dunaev) «Introduction of a Gregorian Style into the Finnish Orthodox Church and the Reasons of Disturbances in Monasteries: according to the Monk's Records». The book was published in Latvia in 1927. Both, the article and the book have never been reissued before. The publication of T. Shevchenko.

Keywords: the Finnish Orthodox Church, calendar innovation, Gregorian style, jurisdiction, the Moscow Patriarchate, the Constantinople Patriarchate.